

ВРЕМЯ *SUPER* ГЕРОЕВ

ВИТАЛИЙ СЕРТАКОВ

**СВИТОК
ПРОКЛЯТЫХ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художник — *Александр Руденко*

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Компьютерный дизайн — *Андрей Смирнов*

Сертаков, Виталий Владимирович.

С32 Свиток проклятых : [фантастический роман] / Виталий Сертаков. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Время SUPERгероев).

ISBN 978-5-17-096778-0

Если ты внучка Петербургской ведьмы и шестнадцатилетие ты встречаешь в палате смертельно больных, то твой единственный выход — тоже стать ведьмой. Женьке Бергсон предстоит вступить в бой с оборотнями и колдунами, попасть в зазеркальный магический Петербург и отправиться дальше, в глубины дивной планеты.

Если ты сын хозяина древней Тавриды, твоей смерти жаждет император Золотого Рога и вождь готов, старец Германарикс, то твой выход — спуститься в изнанку вселенной в поисках Свитка Проклятых. Но тот, кто прочтет Свиток, по преданию, снова запустит часы прогресса в угасающем мире.

Наши герои неминуемо столкнутся. И лишь чудо, взаимное робкое чувство спасет их от взаимного убийства. Теперь им предстоит разобраться, что появилось раньше — игра или целая планета. И кто же разработчик прекрасного, но дьявольски опасного мира?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096778-0

© В. В. Сертаков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

МЕСЯЦ ГОЛОДА

Меня хотели убить задолго до рождения. Первый крик я издал в месяц Голода, в четную ночь, когда у птенцов гарпий режутся зубы. Придворные хироманты угадали в этом дурной знак, ибо известно, что четные голодные ночи сильны женским колдовством. Повитуха макнула мою крошечную ладонь в кровь матери, и приложила к серому платку. Развернув платок, дука Андрус Закайя понял, что обрел наследника, и на радостях кинул гарпиям пленных хуннских вождей. По канону Херсонеса, белый платок младенцу не полагался, ведь моя юная мать не родилась в цитадели. Ее купили в горах далекой Ивирии за пять талантов самоцветов.

За год до того, отец похоронил очередного хилого отпрыска, исторгнутого гнилым чревом его супруги, благородной Авдии. Отец справил тризну и на три дня замолчал, ибо искренне горюет лишь тот, кто горюет без свидетелей. После завязал глаза седыми косами, зажал в зубах плетень, и на коленях вошел в пещеру весталок. Сколько ударов он вытерпел, не знает никто. Весталки предрекли, что наследника подарит женщина, от света которой Андрус Закайя вполовину ослепнет и которая не сможет разделить с мужем смех. Искать избранницу требовалось по ноздрям. Следовало порвать на части нижний хитон отца, и подносить эти куски самым дорогим девственницам из варварских ро-

дов. Та, чьи ноздри затрепещут и потянутся следом за запахом вельможного пота, достойна любых уплаченных денег.

Гадалыщицы разбавили патоку надежды ложкой желчи. Тот, кто ждет доброго гонца, сказали они, дождется и худого. Отец не понял, он был согласен на все, лишь бы штандарт Закайя вечно блистал над воротами Херсонеса. Андрус позабыл, что всех нас ждет единая ночь, и с вечностью не стоит играть в кости.

Четыре посольства отправились в подмышки мира, туда, где лгут путеводные карты. Первое посольство погибло в хищных лабиринтах Двуречья. Привезли лишь трех прекрасных девиц, одну с медным, другую с песочным, и третью — с древесным оттенком кожи. Каждая из варварских княжон собрала лучшее, чем могла похвастать ее раса, каждая не понимала ни слова на языке империи, и никто, кроме книжников, не понимал их языка.

Шла война, с севера накатывались орды кочевников. Как верно замечено ромеями, крепкий мир достигается лишь войной. Император вновь даровал моему отцу жезл стратига, и два легиона пеших новобранцев, которым полагались земельные наделы на границах степи. Над куполами цитадели полыхали ведьмины огни, в ущельях жирели стервятники, рыба кидалась на берег, не в силах дышать кровью. Дука Закайя вернулся из похода без руки. Пока некроманты выращивали ему новую руку, дивная наложница с кожей цвета горчичного дерева, завяла и превратилась в щепку. Виновных не нашли. Отец снял кожу с палатинов, не сумевших ее сберечь. Остались две невесты.

Дука Закайя разделил ночи с той, чье лицо светилось, словно песок с берегов Дымного понта. Хранители времени четырежды спускали воду в недельных колодцах, но чрево прелестницы сжигало семя моего престарелого отца. Когда чужестранка начала смеять-

ся шуткам господина, пятидесятилетний стратег пове­рил автору «Илиады», изрекшему, что всякое прекрас­ное недолговечно. Дука понял, что проигрывает битву с вечностью. Доселе точно не известно, повинна ли в случившемся его первая жена Авдия из рода Авдиев, но недаром говорится, что женская месть подобна хо­лодному блюду, что едят на третий день. Шпионы со­общали, что братья Авдии утром носили щедрые дары первосвященнику, а вечером заливали кровью жертвен­ные чаши. Скифские пастухи в таких случаях говорят, что хитрый телок берет вымя у двух коров. Что поде­лать, в отличие от дуки Херсонеса, у аристократов под­растали жадные до власти сыновья.

Андрус очень любил девочек, моих старших сво­дних сестер. Тем утром он умылся молоком, лично раз­жег курильницы у ступней Многоликой, и помиловал, осужденных на казнь воров. Дука послал за дочерьми, и двумя племянниками, взял их за руки, и поднялся на лобное место, перед обсидиановой статуей Быка. Же­лоба для стока крови пересохли впервые за много лет, народ трепетал, каменная глотка истукана гудела от жажды. Андрус не привык ждать, но терпеливо стоял, пока его бледная, прозрачная от гнева супруга не по­казалась на парадном балконе. Севаста Авдия скрипела зубами, ведь гнев от безумия отличается лишь кратко­стью. Дука говорил тихо, однако слова его свинцовыми каплями падали в уши горожанам. Его речь записыва­ли три писца, языком плебса, рубленным слогом вои­нов и вязью Мертвой империи. Глядя в глаза супруге, наместник Таврии озвучил то, о чем боязно даже мол­чать. Если сеть колдовства упадет на его новую жену, обещал властитель, вечно голодный Бык напьется ро­довой крови Авдиев.

Как известно, буквы плебеев принято сеять слева на­право, слога воинов глотают сверху вниз, как удар се­киры, и только язык Мертвой империи ветвится, даруя

ряды толкований. Так случилось и с речью моего отца, сохранившейся в дворцовой библиотеке. Гораздо позже, в ночь, когда мне зашили пуповину, хироманты сдули пыль с кожаных переплетов, поставили напротив страниц зеркало, и прочли в нем то, что не посмели передать вслух. Воистину, кто посмеет заявить льву, что пасть его зловонна?

Стратиг перевез уцелевшую наложницу в бастион Иллирус, родовое имение дедов. Башни Иллируса не отбрасывали теней, ведь из вечернего сумрака сучили пряжу весталки. На заре паутина, оплетавшая лабиринты стен, получалась столь прочной, что удерживала внутри кокона кусок времени. Таким образом, защитники бастиона всегда выигрывали день у любого неприятеля. Ворота крепости снес еще прадед прадеда Андруса, владевший заклинанием Лабиринта. К чему ворота, когда стены, высотой с мачту океанского парусника, змеятся и текут каждую ночь?

Закайя приставил к девушке немых служанок, и выпустил из подвалов женского двора мантикор. Едва дневной свет сменился тьмой, он выпил кубок мужской мандрагоры, положил под язык засахаренную ягоду и вошел к моей будущей матери. Как принято у новобрачных Херсонеса, он держал в левой руке единственное оружие — крошечный нож для шнуровки корсета. Едва властитель разрезал на груди моей будущей матери шнуровку, его глаза ослепило медное сияние. По коврам спальни запылали огни, так светилось в полумраке тело его возлюбленной. Сбылось предсказание — глаза стратига потеряли половину силы. Закайя попробовал развеселить жену, но чужестранка не улыбнулась ни одной его шутке. Ее ноздри дрожали, как у охотившейся пантеры.

Хранители времени дважды спустили недельный уровень воды, когда ушей стратига достигло мрачное известие. Опять война, восточная граница гнулась под

ударами кочевников хунну, еще недавно поклявшихся беречь ворота империи. Когда степняки скормили мирный договор своим тощим свиньям, мой будущий наставник Фома осмелился побеспокоить отца на его личной войне. Послушай, дука, сказал книжник Фома, мы поручили волку стеречь наших овец. С большим трудом Андрус вырвался из медного плена, облачился в дубленную кожу саламандры, и убедился, что похудел почти вдвое. Андрус смотрел в Небесный глаз, внимал доносам нетопырей, зубы его скрипели. Стратиг наблюдал, как по дорогам и без дорог громяхают полчища хунну. Впереди везли заклинателей с зашитыми веками, ведь только слепцы способны приручить василисков. От мертвящего взгляда ручных змеев гибли птицы и осыпалась в прах степная трава.

Стратиг гонял вестовых, пригоршнями раздавал приказы, но мысленно оставался с той, что навсегда отобрала его смех и половину зрения. В день, когда отец покидал бастион, произошло то, что вначале приписали колдовству моей будущей матери. Лабиринт стен внезапно явил непослушание, и едва не задавил в гранитных жерновах кортеж властелина. На самом деле, лабиринт задавил наемных убийц, посланцев знати.

Но месть снова пришлось отложить.

Просвистела ледяной крошкой зима, наступил месяц Голода. Гонец из цитадели сменил трех коней, прежде чем перед ним засияли походные штандарты Таврии. К весне полки тяжелых катафрактов продвинулись далеко на север, но окончательно известить степняков не сумели. Стратиг Закайя допрашивал пленных вождей, когда ему подали серый платок с отпечатком детской ладони. Он возрадовался и скормил несговорчивых хунну гарпиям. Но радость дуки была недолгой, ибо следом за добрым гонцом из облака пыли явился худой.

Прознав о том, что родился наследник, хироманты поднялись в дворцовую библиотеку. Они постави-

ли зеркало перед папирусами, и стали читать тайную вязь Мертвой империи задом наперед. Дука Закайя позабыл, как год назад, на форуме Быка отхлестал супругу короткой речью, каждое слово которой сочилось ядом. Яд пропитал полузабытый язык ромеев и вернулся новым смыслом, который никто из ученых не посмел озвучить.

Всего пара строк. Мой отец прочитал перевернутые строки, кинул послание в огонь и вышел из шатра, чтобы никто из турмархов, командиров железных полков, не видел его глаз. Андрус вспомнил то, что забыл в пещере весталок. У вечности всегда выпадают лучшие кости.

Вот они, строки.

«Если же не настигнет смерть Мануила Закайя, сына Андруса, до его совершеннолетия, то суждено ему вскрыть Свиток проклятых»

Я — Мануил Закайя, и вот главная причина, по которой меня хотят убить.

Глава 2

ВЕСТНИК

Игла больно пульсировала в руке.

Женечка равнодушно разглядывала пузырьки в капельнице. Иногда она отворачивалась к темному окну. Там искрились морозные узоры и переливались блестящие шары на елочке. Пахучую красивую елочку принесли аспиранты, смотреть на нее совсем не хотелось. Во время утренних процедур Женечке стало почти все равно. Она знала, что после капельниц силы вернуться, но жизнь станет еще короче. А папа... лучше бы он вообще не звонил! При нем так трудно не плакать...

Где-то сипло дышала Галка. Еще в палате обитали Лиза и Дианка, но тех укатали смотреть телевизор.

И тут все началось.

... — Вам туда нельзя!! — взвизгнула медсестра.

Но рослая, смуглая блондинка ударила ее пальцем в горло, вторглась в палату и захлопнула за собой дверь. Потом она придвинула к двери кровать Галки вместе с хрипящей Галкой и ее капельницей. Потом одним плечом толкнула к Галкиной кровати шкаф. И подошла к Женечке, на ходу расстегивая мокрый кожаный плащ.

Женечка равнодушно следила за скуластой бандиткой. В дверь уже стучали.

— Евгения Бергсон? Праправнучка Евгении-Леопольдины Бергсон, Тайной Вожатой храма... — с непонятной почтительностью произнесла женщина в парике, и бережно водрузила на тумбочку толстый рюкзак. Слова она выговаривала слишком тщательно, акцент был явно не английский. — Извольте подняться, нам пора. Послезавтра суббота, а вы не прошли по Краю слов. Меня зовите Ольгой, я — ваш Вестник.

В дверь барабанили. Женщина нервно дергала себя за волосы, слишком белые, слишком блестящие для настоящих, смотрела ожидающе, жадно. Чем-то неуловимо она напоминала кошку. Наверное, после фразы про какой-то там ритуал и про вестника, Женя должна была как-то отреагировать.

— Вы меня пугаете, — прошептала девушка. — Пожалуйста, подвиньте Галю на место, она плачет. Здесь палата раковых, интенсивная терапия, мы все умрем. Вы меня спутали...

— Я? Спутала? — нахмурила черные брови Ольга. — Великолепно замечено! Прошу прощения, я могла бы спутать новобранца, но не Вожатого малого круга. Вставайте, сударыня, печать вскрыта, нас уже ищут!

Женька в ужасе помотала головой.

— Я никакая не Бергсон...

Гостья вздохнула.

— Что ж, проверим еще раз по компасу.

Из-под плаща она извлекла высокий деревянный ящичек, чем-то похожий на тубу, в которой носят чертежи. В ящичке оказался тонкий звенящий прибор. Между бронзовых колец быстро раскачивались маятники с зеркальцами на концах. Женечке показалось, что среди маятников шевелилось что-то живое. А еще... у нее вдруг возникло ощущение, что эту странную штуку она уже где-то видела, но не держала в руках. Может, в книге, или в кино?

— Вестник, мне трудно дышать, — вдруг произнес кто-то скрипучим детским голоском. — Ты держишь меня на сквозняке.

Скрипучий голос добавил несколько фраз на непонятном языке. Женечка скосила глаза. Голосок доносился из рюкзака!

Женщина скинула на спинку кровати плащ, осталась в широких кожаных брюках и мужском бесформенном свитере. Свитер явно связали вручную, грубо и криво; Женька произвольно отметила, что бабушка никогда бы не натворила спицами таких ошибок. Ольга встала на четвереньки, и бережно поставила на пол прибор, который назвала компасом. Маятники с зеркальцами закачались чаще, а на полу вокруг основания прибора образовалась дрожащая желтая линия. Как выяснилось позже, получилась не окружность, а семиугольник. Семиугольник стал расползаться по полу, слегка вздрагивая, как живой, и расползлся, пока в него не попали тумбочка, кровать, Женечка и гостя. Компас непрерывно позвякивал, постанывал, похрустывал. Зеркальца шустро поворачивались, по вытертому линолеуму метались блики.

— Вы рождены под крик белой совы, и ваш отец пролил на вас кровь с вином? Ваша мать ушла из жизни, когда вы открыли глаза? Где ваши вещи? — деловито уточнила Ольга, словно речь шла о паспортных данных. Она откинула одеяло, бесцеремонно вывернула содержимое тумбочки. Явно что-то искала.

— Я не... — Женечка заткнулась.

Она родилась шестнадцать лет назад. В Стрельне, в удивительном, скрипучем бабушкином доме, а за кроватью роженицы, в клетке жил белый совенок. Так рассказывал позже папа. Мама кормила совенка с рук сырым мясом, он при этом смешно ухал. Когда фельдшерница стала кричать, и мама стала умирать, папа держал в руках стакан с вином. Он так сжал кулак, что стекло треснуло, и кровь брызнула на всех.

— Откуда вы знаете? — прошептала Женя.

— Ваша мать ушла, но не вы тому виной, это я тоже знаю. Те, кто шли по следу, надеялись погасить обе свечи.

После таких слов пациентка разом вспотела.

— Но моя мама умерла в родах...

— Разве ваша мать не оставила вам перо к вашим чернилам?

— Перо? К каким еще чернилам?

— Сударыня, молю вас, не притворяйтесь! — Ольга цепко схватила за руку, ее акцент усилился. — Вы ведь знаете, вы должны вспомнить, о чем я говорю!

— Не-ет... Ой, погодите, — Женька попыталась вырвать руку, но куда там! Сражаться с каменной клешней оказалось решительно невозможно.

— Покажите спину, покажите под мышками, молю вас! — ухитряясь оставаться вежливой, Ольга бесцеремонно ухватила пациентку за бока, задрала на ней пиджамную куртку. — Не бойтесь же, он где-то здесь...

Женька слабо царапалась, но бандитка уже нашла то, что искала, утихомирилась, оставила курточку в покое. В дверь долбили в четыре руки. Галочка спряталась и дрожала под подушкой. Шкаф отползал, дерево трещало, но ручка не поддавалась. Кошмарная гостя каким-то образом закрепила или заклинила дверной замок, хотя Женечка со своего места видела — никакого замка нет. Эта двустворчатая дверь вообще никогда

толком не закрывалась, створки свободно распахивались в обе стороны, чтобы могла проезжать каталка.

— Охрана где? — голосили в коридоре, потом донеслись мужские голоса: — Полицию зовите!

— Перо для ваших чернил, — гостья умоляюще плюхнулась на колени, — вы называете это родимым пятном. Прошу вас, мы сделали трудный путь...

В голове Женьки что-то сверкнуло, точно разбилась елочный шарик. Внезапно она вспомнила — чернильница! То есть никакая не чернильница, а коричневая, странная такая штука, словно бы из очень твердого дерева, шершавый многогранник в бархатном мешочке, он хранился в маминой шкатулке под замком. Но папа... еще до того, как попасть в тюрьму, он называл эту вещь чернильницей, хотя чернила там наливать было некуда. Сидел как-то папа пьяный, тыкал в ту штуковину сигаретой, вспоминал маму и плакал.

— Когда к нам переехала Наташа, они с отцом поругались, и шкатулка... чернильница, она куда-то делась, — выдавила Женька.

— Куда-то делась? — женщина поморщилась, скороговоркой пробормотала несколько чужих слов. — Как можно терять самое важное, родовую память? Кто такая Наташа?

— Это папина... у папы тогда завелась новая жена.

— Жена? Эта женщина... вы уверены, что она все выбросила? Отвечайте, сударыня, это важно!

— Не знаю. Я всегда думала, что это... — Женьке стало вдруг стыдно, — что это подставка под чайник... тяжелая. А кто вы такая? Вы знали мою маму? Вы не можете здесь командовать.

— Вестник, малыши Привратника уже здесь, — тонко сказал рюкзак. — Они взяли след.

— Вы знаете, где живет эта Наташа? — наклонилась Ольга, и снова стала похожа на кошку.

— Ну... там и живет, где мы жили, за городом. Только теперь она там с новым мужем. Но она... она все захапала, и ничего не отдаст.

— Не отдаст? — усмехнулась гостья. — Молю вас, собирайтесь. Солнце не стоит на месте! — Женщина одним движением выдернула из Женечки иглу, оттолкнула капельницу, вытащила из-за пазухи пакет с серым, излишне волосатым свитером и такими же, как у нее самой, просторными грубыми брюками. — И прекратите задавать нелепые вопросы. Ваша соседка умрет, это верно. Но на ваш счет имеется иная вероятность. Если мы успеем.

В открытую дверь вовсю дубасили, Галка хныкала. Шкаф трещал, но не поддавался. До Женьки внезапно дошло, что трещит вовсе не шкафчик и не дверь. Сестры и дежурный врач ломались с той стороны прямоком в стену. Они не замечали, что вход рядом. Или видели привычную дверь совсем в другом месте! Хлипкая некапитальная перегородка скрипела и гнулась, при каждом толчке по бежевой краске бежали трещины.

— Я не знаю никакую Ле... Леопольдину... — выдавила Женька, зажимая струйку крови на локте. И тут же едва не поперхнулась. Откуда-то из памяти всплыла девичья фамилия бабушки, непонятная, то ли шведская, то ли немецкая. Похожая на Карлсона, живущего на крыше. И еще. Женька почти вспомнила, где раньше видела загадочный «компас». И то, что она вспомнила, было таким странным и нелепым...

— Евгению-Леопольдину, — поправила женщина, не слишком ловко запихивая Женькины ноги в короткие сапожки, тоже весьма странные, сморщенные, без каблучков, с острыми носами, — Наша ошибка состояла в том, что мы искали среди законнорожденных... Ваша прабабка была побочным ребенком. Можете гордиться, в ваших жилах течет кровь основателей Храма... Прекрасно, все сходится! — женщина закончила с обувью,